

Сергий Чернец

---

*Рябина
в палисаднике*

рассказы

Сергий Чернец

Рябина в палисаднике. Рассказы

«Издательские решения»

Чернец С.

Рябина в палисаднике. Рассказы / С. Чернец — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-933360-5

В этой книге изображены люди разных характеров и разной судьбы. Все они живут рядом. Тут показаны особенности их жизни. Это поможет читателям взглянуть на себя со стороны. Читатель узнает, что секретарша не только кофе шефу подает... Каждый человек устроен по-своему. Нет таких людей, кто сочетал бы в себе все достоинства сразу — и красоту, и сдержанность, и ум, и вкус, и верность слову... Каждый хорош по-своему, и трудно сказать, кто же из нас действительно лучший — все люди хорошие!

ISBN 978-5-44-933360-5

© Чернец С.
© Издательские решения

Содержание

Богиня Венера	6
Рябина в палисаднике	16
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Рябина в палисаднике

Рассказы

Сергий Чернец

© Сергий Чернец, 2018

ISBN 978-5-4493-3360-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Богиня Венера

При КБ на военном заводе есть рядовые-посыльные, это мужчины и есть офисные, которые чертят, пишут – в основном все женщины, мужчина был один и невзрачный, женатый и пожилой.

У начальника – у шефа, есть секретарша, которая является правой рукой его. Она не только раздает указания шефа, но и распределяет заказы, разработки, и прочие дела, и только ей известно сразу, где что находится в шкафах на полках среди текущих дел и поступлений. Хотя доступ к открытым шкафам есть у всех и по каталогу, по карточкам. Можно поискать и найти всё, что надо, – но тогда дело может затянуться. А бывает и так надолго, потому что чертежи и записи затеряны, что приходится это дело бросать.

И вот, как-то, место секретаря освободилось, и на эту должность пришла приехавшая в наш городок неизвестная молодая женщина высокого роста с завивкой в причёске, – и она, впоследствии стала «незаменимой», поистине правой рукой шефа.

– Меня зовут Венера Сергевна. Венера, – добавила она зачем-то, – это богиня любви. —

Может потому, что сочетание имени с отчеством было не очень благозвучным, так ей казалось. «Но язык мой, враг мой» и всегда было так, скажет она что-нибудь, а потом корит сама себя.

Из собравшихся на представление сотрудников КБ кто-то хихикнул, а все переглянулись. Так мигом и приклеилось прозвище: «Богиня Сергеевна». Это было давно, когда ещё она была молодая и следила за собой, – ходила в парикмахерскую завивать причёску и одежды носила немного ярковатые, цветные блузки под брючный костюм... Но каким-то образом, прозвище «Богиня Сергеевна» переключалось с нею и в дом, где ей, как специалисту выделили потом комнату. Дом был заводской и жили там рабочие военного завода и специалисты.

Из КБ, правда, в том же доме жила только наша Люба-белая. Оттого «белая», что считалось Люба занимается магией, и когда её, вдруг, пытались упрекнуть, за гадание на картах (она пасьянсы раскладывала во время обеденного перерыва), она парировала: «да белая, белая магия, она только помогает людям».

Строгость секретарши оценили сразу, и всё с тех пор вертелось вокруг неё. Шеф отошел на задний план. Многие вопросы решались перед его кабинетом, через Богиню Сергеевну. Может поэтому с ней особенно никто не дружил (да и как можно дружить с великими богинями, с «начальством», что близко к Небесам).

Но и в заводском доме, трёхэтажном трёхподъездном, особых дружб Венера Сергеевна ни с кем не завела. Кроме пожилой четы бывших преподавателей ПТУ заводского, к ней, кажется, и не заживал в гости никто. Так, разве что по-соседски трёшку занять до полочки кто-нибудь из соседей зайдёт или луковицу какую спросить. Да и то больше из любопытства заходили, – посмотреть, как живет она в однокомнатной своей квартирке.

Учителя же, Елизавета Фёдоровна и Борис Прохорович не просто приходили, а со своей мохнатой собачонкой Твистулей, похожей на таксу своим длинным телом, если бы не шерсть. Тявкала она тоненько и разойдясь, впадала в истерику и брызгала слюной во все стороны. К тому же, соседи подозревали, что эта противная «такса» Твистуля, названная от того, что танцевала твист от всякой радости, активно ворочая задней частью тела, ест то, что не всегда перепадает её хозяевам – «живое» мясо, которое людям по талонам по килограмму, а для собак до 5-ти килограмм отпускали в магазинах. Такое уж соседское дело: обо всём иметь собственные соображения и домыслы. И все новости из района трёхэтажек, квартала, квадратом огороженного дорогами со всех сторон, «Заводских домов», узнавались в КБ через Люду-белую и её пары подруг, что стояли за кульманами рядом.

У Венеры Сергеевны тоже завелся было приبلудный пёс. Она подобрала его где-то на прогулке в парке около контейнеров, когда один и второй и третий раз видела эту небольшую собачку. Пёс был отмыт и поселился у неё в квартире. Но той еды, что она в избытке (ей казалось) оставляла в мисках на полу в маленькой прихожей ему стало не хватать, и принялся пёс всё грызть в её отсутствие. Грыз он деревянные вещи, вследствие чего платяной шкаф чуть не рухнул на подкусанных ножках, и какую-то кофту хозяйки он тоже сгрыз и разорвал. А чем ему оставалось заниматься взаперти? Короче, пришлось Венере Сергеевне побегать, пока не пристроила она своего пса в семью с детьми и пса увезли «на деревню к бабушке». «Вот когда на пенсию выйдет, тогда и заведет и собачку и котика», – решила она.

Известно из истории, что знаменитый Блез Паскаль носил пояс с гвоздями, который он, Паскаль, пожимал локтями, чтобы острые гвозди кололи и возвращали его к действительности, всякий раз когда чувствовал в себе радость от похвалы в честь него.

Венере Сергеевне такой пояс не требовался, потому что, когда её хвалили (что случалось крайне редко, так что все привыкли к её незаметности), она не радовалась, а вроде бы даже мучилась и не знала. Куда смотреть и что отвечать.

Поэтому она чрезвычайно удивилась и потерялась совершенно, когда шеф, начальник КБ, Валерий Семёнович, пригласил всех собраться в главном зале среди кульманов, самом большом помещении. И при всех поздравил Венеру Сергеевну с десятилетием безукоризненной службы в отделе, пожал ей руку, вручил грамоту и прочувствованно поблагодарил. Ещё в честь такого юбилея ей выдана была денежная премия в конверте. Все похлопали и разошлись, чему так обрадовалась больше сама «виновница торжества».

«Наконец-то! – подумала Венера Сергеевна. Она придвинула стул поближе к столу и взялась было за бумаги, как тут же растерялась: «такое внимание ей оказали, а она будто воды в рот набрала. Так промямлила что-то несурзное». От мысли этой всё в ней вмиг перепуталось, и требовалось уже немедленное вмешательство силы воли для наведения порядка в голове. Самым веским доводом в таких случаях служило сознание уже свершившегося, а потому и непоправимого, но этот довод припоминался ей только в самом конце её переживаний.

Точно также, она переживала излишества в своих речах. Венера Сергеевна буквально страдала одним недостатком: отвечала на любые вопросы сразу, не обдумывая, без пауз, а поэтому и искренне. А такая искренняя прямота бывает совсем ни к чему; в мелочах-то тем более если иногда подсовывают специально такие вопросы, на которые нельзя отвечать прямо, но ты видишь и понимаешь это лишь на собственной полуфразе, когда уже поздно думать. А ведь это не та высокая Правда, которая так важна в принципиальных спорах. Потом она строила другие варианты ответов, но это было уже послесловие-домыслие.

Например, ей говорили: – Венера Сергеевна, вы куда-нибудь едете в отпуск? – Она в ответ: – Нет, мне не с кем кота оставить. —

И тут же язык прикусывала: можно было – и нужно! – обойтись одним словом «нет», а о коте совсем лишнее. Во-первых, никому не интересно, почему она не может куда-нибудь поехать; во-вторых, не может да и не может, кому какое дело. А то ведь и поймут по-всякому: подумаешь кот! Так все узнали, что она кота завела по прозвищу Кутя, кот-засоня, играть не хотел и отдыхал на диване всё свободное время.

Между прочим и с «богиней» досада такая получилась по собственной же вине: язык – враг. А все-таки ничего она не могла поделать с привычкой к полной законченности выражений, не делая отличий между ответом вслух и продолжением своих мыслей. «Сначала думать надо, а потом говорить, а не наоборот» – знала и повторяла себе самой Вера Сергеевна, но не помогало.

Всё это мелочи. Но эти мелочи такими мелкими ей не казались.

Зато во всём остальном, в главном то есть, она была замкнута сверх меры. Никогда ни о чем своём не делилась ни с кем. Таких в коллективе не любят. Такие как бы возвышаются над остальными, не допуская к тому самому, что они есть – будто и впрямь богиня! Знали, что живёт одна, а почему одна, и была ли замужем, и откуда родом – это неизвестно. Конечно, не совсем в коллективе она находилась, Венера Сергеевна была – при шефе, но всё равно оправданий гордыне её не было.

От Любы-белой знали, что Венера Сергеевна раздает ребятишкам во дворе шоколадки – «это надо же, богачка какая!» – за то, чтобы те кормили и не обижали бродячих ничейных кошек.

Ну и что, шоколадки она детям раздавала – так это же её самой угощение, это ей шоколадки давали посетители, так уж заведено везде, угощают. А она сладкого совсем не любит, но не объявлять же об этом. Потому что всё равно люди захотят её «отблагодарить», и тогда им придется ломать голову: чем?

Случилось, когда в городе ходили по офисам и на заводе тоже собирали подписи, – семнадцатилетний подросток растерзал и убил младшего мальчика. По предприятиям пустили сбор подписей за смертный приговор парню. Якобы, если десять тысяч подпишутся, то расстреляют, а иначе нет, так как несовершеннолетний. Столько споров разгорелось в ту пору! Случай был неслыханный. И хотя подавляющее большинство высказывалось за смерть, но как трудно, оказывается, так вот взять и подписаться под этой смертью своей фамилией. Кое-кто так и не решился. А Венера Сергеевна подписалась.

– Да вы? – поразилась Люба-белая, как активистка она собирала подписи. – Вы же вроде против смертной казни вообще? Добрая! —

– Доброта всегда активна, – тихо ответила Венера Сергеевна.

– но вы котят во дворе жалеете, а тут человека! – подхватила Люба-белая.

– Да. Но за жизнь можно расплатиться только жизнью. И потом, я уверена: тот парень, прежде чем убить ребёнка, не одну собачку, не одну кошечку замучил, – такое бывает не сразу. Жестокость ребёнка к животным непременно перерастёт в жестокость к людям. —

От Венеры Сергеевны таких длинных речей ещё никто не слышал, и поэтому никто больше не возразил.

И вдруг – она не вышла на работу! Такого ещё никто не помнил. Заболела, оказывается, надолго, порвала связки и раздробила пяточные кости. А банально, упала с табуретки, видимо кости слабые были. Уточнения о болезни известны стали только к концу первой недели.

– Надо бы навестить, – подала голос профорг Саханова. – сложимся или выделим из кассы взаимопомощи? —

Решили выделить из кассы. Решали: кто пойдёт? Рвалась Люба-белая, мол, живет в том же доме, только в другом подъезде. На самом деле у неё с подругой «черный» план составил: Богиня Сергеевна вряд ли разговорится, попросить у неё альбом с фотографиями посмотреть, а уж по ним-то, подпуская незаметные вопросы, можно будет о прошлом Богини вызнать.

Но пошла Рита, тихая, в качестве общественной нагрузки навестить больную. Люба-белая доверила ей свой хитроумный план, отведя в сторону после собрания и шепча на ушко. Но Рита ничего не пообещала.

А шеф Валерий Семёнович вовсе бегал всю неделю в панике: искал временную секретаря-машинистку. Сразу дел у него откуда-то неразрешённых набралось, они, эти дела, распухали, и вообще не стало порядка. Валерий Семёнович даже растерял свою пресловутую флегматичность. У него были свои заботы, из соседнего отдела приходила секретарша печатать некоторые приказы, а у женщин – свои.

В частности, женщины обсуждали всё: выясняли, в чём же смысл жизни человеческой – да, да, ни больше ни меньше! – Если живешь, например, как Богиня Сергеевна, один смысл: детей нет, работа тоже не творческая, что тогда?

– Бывает же, сочувствовала Марьюшка-чертёжница. – А куда денешься? И будешь так и жить. Секретарша она отменная, хотя шефу... – и Марьюшка подкашлянула, – и хотелось бы, может, какую-нибудь Ларисочку длинною.

– Теперь уже не захочет, – засмеялась Люба-белая. – Никого, кроме Богини, не захочет: понял, на ком порядок держался. А какой порядок будет с красотулькой Ларисочкой? —

Да, сложной философией заняты были женщины конструкторского бюро. Ну, в самом деле, – обсуждали они, – вся жизнь человечества с её прогрессом и культурой, как по Академику Павлову, делается на инстинктах любознательности и движения к цели. Этот инстинкт и есть основная форма жизненной энергии каждого человека – любознательность. А какая, извиняюсь, цель у той же Богини Сергеевны? Как, зачем, для кого живет она? Хоть бы чужого ребёнка из детдома взяла что ли, вместо того, чтобы кошек во дворе защищать и кормить.

Профторг Саханова поддакивала. У неё не было детей тоже, но творческая работа была: она вычерчивала одну новую штуковину для военной промышленности, изобретение авторское, которое ей сам изобретатель принес. Возможно, за это изобретение дадут государственную премию и так далее, её тоже помянут, как соавтора.

Незаметно, но неуклонно за единственным окном серела чернота ночи, разбавляясь в синеву. А Венере Сергеевне можно было не спешить вставать, можно сколько хочешь греться под одеялом. Она и грелась под мурчание кота в самое ухо. И вот уже голубое, тусклое по-осеннему небо проглядывало вовсю за окном. А на другое утро круглый колобок луны осветил призрачным светом комнату, было полнолуние. И каждую ночь луна всё худела и худела, пока не родился новый месяц, изящный и тонкий.

Так много свободного времени Венере Сергеевне ещё не приходилось иметь. Вот уж действительно – свободное время, потому что из-за лонгета из гипса она не могла многого делать, да и врачи так велели: покой и покой. Хлебом её и рыбой кота обеспечивал Борис Прохорович, учитель, а Елизавете Фёдоровне часто ходить на третий этаж было тоже не под силу: у неё сердце барахлило.

У военного номерного завода была своя поликлиника и стационарная больница на окраине городка среди леса и сосен, с прогулочными дорожками и лавочками. Для своих пациентов посылались специальная машина-автобус, прямоугольная, болотного цвета с красными крестами: везти больных заводских в поликлинику на лечение. В машине уже ожидали другие больные, помогали взобраться, и уже с Венерой Сергеевной заворачивали ещё за двоими. В основном, все «ломанные», костыльные.

Так вот, ездил с ними мужчина один, тоже нога в гипсе. Весёлый такой и собою, что называется, видный. Он Венере Сергеевне нравился. Не как-нибудь там, а просто нравился. Вообще все нравились ей, случайные попутчики, сведенные на время общей бедой – болезнями. Как-то по-другому с ними она себя чувствовала, проще, веселее. Даже и сама вроде делалась другой и, отвечая на вопросы, не анализировала потом как обычно, не различала граней между тем, что можно было сказать, и тем, что лишнее сказала, – отвечала, да и всё.

Ну, ясно, все делились новостями о своём самочувствии, и охотно и щедро – советами друг другу, рецептами, которые лично испробовали.

– Змеиный яд? – оживлялся тот мужчина, Степан его имя. – я много им лечился когда-то, – и насмешливо добавлял: – Так что весь я ядом пропитан и ужалить могу, как змей. —

– Да? – подхватывала разговор другая женщина. – А у меня хондроз! Так ты дорогой, прибегай в наш цех меня покусать в спину, – под общий хохот показывала она на поясницу, – ладно? Мне змеиный яд полезный! —

Даже и про жизнь свою успели некоторые рассказать. У Степана, например, жена три года назад умерла, дочка замуж вышла и уехала, остался он один.

– Не женишься-то почему? —

– Найти не могу по душе, – и взглянул почему-то на Венеру Сергеевну.

– Под пятьдесят уж, наверное, а всё ещё – по душе! Ищешь! —

– А как же, – он опять посмотрел на Венеру Сергеевну, чем и разволновал её маленько.

А потом спросил её неожиданно: – Вам сколько лет? – вероятно токарь завода не слышал о приличиях: не спрашивать женщин о возрасте...

– Мне? – она помолчала и рассмеялась. Смешно ей стало, потому что всегда раньше пожимала плечами, когда другие женщины сбавляли себе возраст, а сейчас самой почему-то не хотелось называть свои года.

– Да вот, получила я недавно бессрочный постоянный паспорт, – ответила она, – Сколько захочу теперь, столько и буду жить! —

– Это точно! – и снова все засмеялись, так и не узнав её возраст.

А потом довелось им вдвоем ехать со Степаном. Венера Сергеевна тщательней обычного оберегала свою ногу на поворотах, водитель ехал быстрее обычного, она поддерживала её двумя руками и делала вид, что только этим и занята. Потому что чувствовала: что-то произойдёт. И произошло.

– А вы бы не пошли за меня замуж? – бухнул Степан напрямик. – Как я понял, вы одна? —

Венера Сергеевне хоть из машины не выпрыгивай. «Это ей-то – замуж?!».

– Простите, конечно, если что не так, – продолжил он. – В такой обстановке, конечно...

Но вы подумайте всё же, ладно? – И Степан, сдвинув шапку на затылок, провёл по лицу ладонью, будто умывался после тяжкой работы, видно так переживал, нелегко, чтобы задать этот вопрос свой.

Больше на санитарной машине Венера Сергеевна не ездила. Ходили на конечную троллейбусы и там от кольца было недалеко пройти по тротуару.

Но раньше её однообразный день, полный свободного времени, окрашивался ожиданием этой машины санитарной, встречи с попутчиками, к которым привыкла, с которыми можно было перекинуться словечком-другим. Она будто потеряла что-то. «Да и Степан тоже. И надо же было ему всё испортить! Ну, как можно? Вся жизнь почти прожита ими в отдельности, у каждого своё – и, вдруг, сойтись этими своими биографиями, как сживаться-то? Вон у неё племянник тоже, после армии недавно женился, у него детишки пойдут, и будет Венера Сергеевна на пенсии скорой, нянчиться с ними. Верно, котейка?» – думала вечером Венера Сергеевна, поглаживая своего старенького кота.

И тут событие. Неожиданно для себя она пустила на квартиру жиличку. Да лучше бы и не пускала.

В тот вечер Венера Сергеевна занята была, как обычно самоукорением, анализируя случившуюся ситуацию.

Конфуз случился, когда в тот вечер приходила снова Рита, выполняя поручение своё, посещение больного. Разговор был банальный и вроде бы ни о чём. Рита принесла яблоки, а Венера Сергеевна решила по привычке положить их на подоконник. А там, за цветастой шторинной, лежали уже на газетке яблоки с прошлого раза. Они и посыпались, дробью отдавая звук по полу и раскатились. Ничего особенного, конечно. Ну, собрали наскоро.

Рите хотелось скрасить конфуз и сказать «Богине Сергеевне» что-нибудь хорошее. Но когда хочешь специально – нужные слова непременно прячутся в сознании, всегда не находятся, не можешь их отыскать.

– Шеф без вас похудел, – сказала она. – Никто не может угодить ему с кофе (секретарши нужны только кофе шефам носить, так думала новенькая в этом офисе молодая Рита). Не откроете ли секрет, как вы готовите? —

– Никакого секрета нет, самое обычное приготовление. – ответила Венера Сергеевна. А когда Рита ушла, начался внутренний монолог, она безнадежно сгорала: « «Экономистка», – подумает Рита. Я же ей сказала, что съела! А если это другие, мною купленные, тогда почему не угощает, прячет?» Вообще, Венеру Сергеевну преследовало нечто ей непонятное, но всегда происходившее неудачное: ей ничего нельзя было спрятать без того, чтобы это тотчас же, в самый невозможный момент, не обнаруживалось. А она прятала почему-то. Вещички какие-нибудь, не на положенном месте вдруг обнаруживались на обозрение всем, конфеты ли, фрукты – ну, не то что из жадности, просто любила угощать только детей и тех, кто ей нравился. Сама, однако считала себя за это жадной, отчего сама себя не уважала. И от всего этого она принимала случайности к себе как должное, – случайное происходило непременно: газеты сползали со стола из пачки сложенной, на пол, ею же самой задетые; вещички, второпях запихнутые куда-то, – уж такая она неудобка! – выпадали, высывались, выкатывались. Словно рок какой-то довлел над этой её привычкой – что-то убирать специально. И она посмеивалась над собой: так и надо! Но потом, а вот в такие минуты, как сейчас, разве было ей до смеха?».

И когда, после ухода Риты, снова позвонили в дверь, прервав размышления, она даже обрадовалась. Хоть кто пусть – не одной лишь бы, чтобы не известись от переживаний.

А там у порога стояла девчушка в синеньком пальтишке и в белой вязанной шапочке. Она поздоровалась нежным голоском и спросила:

– Вы не примете на квартиру? —

– Нет, – с сожалением ответила Венера Сергеевна. – У меня одна комната.

– Ну и что, – тихо сказала девчушка. И видно было, что она замёрзла, и что надежда найти себе жильё вот-вот закончится совсем, едва дверь перед нею захлопнется.

– Войди.

Голубая девочка, маленького роста, вошла торопливо и смотрела снизу на высокую Венеру Сергеевну почти круглыми голубыми глазами.

– Раздевайся, чай пить. —

Скоренько разделась. Сняв синенькое пальтишко и шапочку, под которой обнаружились светлые прямые волосы, слабенькие и короткие.

– Сюда, – сказала и прошла на кухню Вера Сергеевна – садись.

Девочка села у стола.

– Сейчас согреешься. – Налила Венера Сергеевна и себе стаканчик чая, чтобы гостя не смущалась. После второй чашки она спросила, как зовут девочку.

– Лена.

– И сколько же тебе лет? —

– Семнадцать. —

– А теперь всё остальное расскажи. —

Всего остального было совсем немного: приехала из такого-то посёлка, потому что с мамой поссорилась, сказала, что «уйду из дома и ушла». А здесь никого нет, работает сестричкой в детской больнице, учится в 10-ом классе вечерней школы, живёт у бабки чужой (свой дом далеко на окраине городка), комната у них одна на двоих с другой девушкой из Хладокомбината, там же на окраине. Бабка дров жалеет и печку топит раз в день, холодно и позаболели обе. И ещё: дружит она со Славиком, он сейчас её в подъезде ждёт.

– Что ж ты... надо сразу было сказать! – заволновалась Венера Сергеевна. – Позови, пусть погреемся. —

– Ничего, в подъезде тоже батарея отопления есть, он на ней сидит, – возразила Лена.
«Чем живет молодежь...» – как будто «старуха» подумала Венера Сергеевна.

Итак, эта голубая девочка в платьице, купленном в «Детском мире», поселилась у Венеры Сергеевны. Дивана, чтобы можно было спать, в квартире не имелось, поэтому вечером ставили раскладушку. Багаж девочки: чемодан и несколько больших пакетов, доставил Славик и его друг, вполне приличные, кстати, вежливые мальчики из ПТУ. Да и Лена, в тот же день, когда он ждал её в подъезде, сказала, что он «порядочный», чуть с сарказмом в голосе, не утаённом от Венеры Сергеевны, – и снова – «чем живёт молодежь?» – подумалось.

Так и стали жить: утром, пока спала Лена, а спать она любила долго, Венера Сергеевна успевала потихоньку прибраться в квартире. Мусор вынести. И хотя Лена не готовила ничего дома – в больнице питалась (медсестер кормили в столовой), в квартире всё же стало по-семейному как-то. Вечерами, уже в постели, они долго разговаривали.

– А почему вы одна? – спросила Лена. – Вы были замужем? —

– Видишь ли... – Венера Сергеевна, забывшись, хотела поправить очки, но очки лежали на тумбочке. – Бывает так, что вроде и нельзя вместе. —

– Почему? – искренне детское удивление изобразилось на лице Лены.

Венера Сергеевна лихорадочно искала слова, она и помыслить не могла, что можно не отвечать на подобные вопросы, то есть ещё не успевал включиться её анализирующий центр.

– Иногда, девочка, так нужен человек, что забываешь обо всём своём: ни вздохнуть, ни выдохнуть. Есть такое выражение: без памяти. —

– Ой, как интересно, пискнула Лена. – Совсем как у нас со Славиком. А дальше? —

– Ничего дальше, – тускло ответила Венера Сергеевна. – Я вообще говорила. —

– Но ведь это же здорово: без памяти! – настаивала обходным путём Лена, возбуждённо скрипя раскладушкой.

– Не всегда, – совсем неохотно возразила, уже из вежливости, Венера Сергеевна. – Жить-то нужно. Работать. А если будет рядом такой человек, всего другого уже не будет существовать: не открытие мира получится, а крушение. Есть кто-то, – но нет тебя. – так развивала она свою «философию».

Впрочем, говорила она совсем неуверенно. Потому что всё равно ведь от себя не убежишь, только в угол себя загонишь. И сиди потом там со своей индивидуальностью....

– Значит, вы струсили? – сообразила Лена.

Комната, в зыбких сумерках плавающая в свете уличного фонаря, промолчала.

– Венеры Сергеевна?! – тихо спрашивала Лена.

Комната сейчас слушала только себя. От философии и умственного напряжения организм Венеры Сергеевны, подстраховавшись от нервного срыва, погрузил её в сон.

Лена, впрочем, часто говорила о своём друге Славике: Славик то-то, Славик это сказал, мы со Славиком... Он встречал её с работы, если сам был свободен, а то и они учились по вечерам, потом уже на завод ходили на практику. Там уж как рабочие работали и Лена ходила встречать его.

– Ты куда, Лена? – удивится Венера Сергеевна.

– А я к Славику, – ответит, хлопая ресницами. – Он сегодня во вторую смену.

И в школу ходить некогда, и книжки читать.

– А, нагоню, на экзаменах это не спросят! – беспечно отмахивается Лена.

Венера Сергеевна не особенно и настаивала, хотя и огорчалась: как будто это её время как песок сочилось между пальцев с ладони. «Не понимает молодая, что надо учиться – думает она, вспоминая, что сама такая же почти была, – беспечная, поймет потом, а будет поздно!».

Настояла она на чтении и в руках Лены появилась книга. Через день посмотрела – ужаснулась и отобрала, потому что это была книга «Декамерон».

– Рано тебе такие вещи читать. Да и вообще ни к чему. Это не школьное. —

И предложила Лене «Вешние воды» Тургенева. Тургенев в шкафу занимал треть верхней полки своими десятью томами. Но им Лена не заинтересовалась.

Пробовала Венера Сергеевна специальные разговоры заводить – Лена соглашалась во всём, но режима своего не меняла: дежурство в больнице, сон и Славик.

Тогда Венера Сергеевна останавливала себя: надо по-другому посмотреть. А по-другому – это как раз и есть та существенная разница: что её-то солнце уже отсветило свой полдень и спускалось всё ниже к закату, а Лениному солнышку взбираться и взбираться ещё! Когда и забывать-то обо всём на свете, если не в семнадцать? Что там книжки, когда своя собственная жизнь так хороша, лучше любой книжной! Когда весна, и та совсем рассеянная стала, то и дело своими оттепелями расколачивает стекло ледяное... с такой любовью этой же весной выплавленной, по карнизам текущими ручейками выставленной всем на обозрение!

Да, отошли вьюги, пронеслись в ручьях апреля в неведомые стороны мартовские снега. Венера Сергеевна уже давно вышла на работу. Всё в той же темно-синей жилетной паре и в блузке свежей белизны, но зато парикмахерские кудри заменила – просто короткая стрижка и прямая, добавила её обладательнице много интересного, да.

На служебном столе у неё, в бутылке из-под кефира торчала рогулистая (как рогатка) веточка багульника – это Мария Петровна с Дальнего Востока из гостей привезла. Появилась подруга из другого отдела секретарша, когда во время её болезни, Марию Петровну приглашал шеф, на подмену временную. Маленькие язычки проклёвывающихся листочков нежно зеленели, но их было мало и расти они не хотели, зато цветы торчали на концах. Странное растение: цветы появляются раньше листьев.

В сумерках, за окном сиренево проглядывалась дорога, за которой тенью виднелись другие дома. Они со Славиком сидели у окна и ждали Лену. А Лена, как исчезла с утра, у неё был нерабочий день после ночного дежурства, и не возвращалась. И это было странно: была суббота, взяты были билеты в кино – Славик, разумеется, не пошёл в кино один, и вообще она его не предупредила. Славик пришёл сюда, к Венере Сергеевне. Славик нервничал и рвался обежать все больницы и даже морг.

– Погоди, – удерживала его Венера Сергеевна, – ещё больше него пугаясь. – Как-то на днях она говорила, что поедет к подружке. Дождемся еще автобуса последнего. —

Автобусы с вокзала ездил по расписанию и останавливались наискосок от их дома. Вот и высматривали в окно. И ничего не высмотрели. Славик ушёл. А Венера Сергеевна легла только за полночь.

Так получилось. Едва стрелки на часах сошлись на восьми часах, Венера Сергеевна нашла телефон, записанный на бумажке, и позвонила в больницу: Лена должна была выйти на работу с утра. Дозвонилась, позвали Лену.

– Где же ты ночевала? – кричала Венера Сергеевна, потому что слышимость была отвратительная.

– Простите меня, Венера Сергеевна, пожалуйста, я у подружки задержалась. А потом смотрю – поздно... —

Вскоре появился Славик, прибежал успокоить, – сказал, что видел Лену, всё в порядке. И Венера Сергеевна порадовалась за неё: какого парня имеет! Но тут же промелькнула мысль: уж слишком у них всё хорошо, что-то тут не так.

Потому что в звонке в больницу открылась ложь Лены: выяснилось, что она работает не штатной медсестрой, а приходящей няней, то есть по договору. Это вроде бы небольшая

ложь, а сколько за ней скрывается. И ничего-то она не знает про жизнь жилички Лены, пусть и молодой, но уже вступившей в восемнадцатилетие.

«Подозрительно, – в сознание возникла уже не новая мысль, – слишком они со Славиком не могут друг без друга: а что если дети? – и опасение это не столько по житейской мудрости: «что слишком хорошее не может длиться долго», сколько по простой логике: если чрезмерно чему-то быть – то всегда рождает что-то третье.

А Лена и на другой день снова не ночевала. И снова Славик прождал её, Венера Сергеевна видела, как он сидел на остановке. Потом она ходила на спектакль – в воскресенье вечером новая подруга, Мария Петровна с мужем пригласили в театр. А когда возвращалась, Славик по-прежнему сидел. Было холодно и ветрено, Венера Сергеевна присела около него и увидела, что он весь дрожал, замерз, его колотило ознобом.

– А ну, немедленно ко мне! – скомандовала она – ты что, заболеть хочешь? —

– Да ничего, – отнекивался он. – Только ноги немножко замерзли. —

Чаем горячим с малиновым вареньем поила, туфли промокшие с носками вместе велела высушить на батарее. Ну, и опять у окна сидели и ждали последнего автобуса

Славик откровенничал. Говорил, что любит и не может без Лены и так далее, что мужчины в этих случаях говорят. Но он тоже подозревал:

– Выходной у неё сегодня. Знаете, она вас обманывает, Венера Сергеевна: никакой подруги у неё нет, я уже всё понял! —

Он ушел поздно вечером. «Ну что они могут понимать, – мужчины, – думала Венера Сергеевна: „я всё понял!“ – понимает он!».

Но Лена пришла. И на все вопросы отмалчивалась, а пообещала вовремя возвращаться. Венера Сергеевна в целях, так сказать, профилактики подсунула ей журнал «Знамя», где была повесть «Сладкая женщина». Лена посмотрела, прочла несколько страниц и заинтересовалась. Разложила она пораньше постель и легла читать. Венера Сергеевна тоже читала допоздна за столом, свои рабочие документы, искоса взглядывая на Лену.

– И как ты думаешь? – потом спросила она.

– Жалко мне её, не повезло ей, – ответила Лена.

– Отчего же? – возразила Венера Сергеевна. – Как жила плохо, вот и дожилась до такого конца. На сладостях-то одних долго не протянешь. —

Лена помолчала. Повернулась на бок и закрыла глаза.

– Спокойной ночи, – сказала и всё.

Больше не стало разговоров до полуночи. А Венера Сергеевна теперь только и жила всем этим переживанием за Лену и за Славика. Славик твердил только одно: «Её надо спасти!». Ну, надо спасать, соглашалась Венера Сергеевна и видела, что самой легкомысленной Лене ничего спасения не хочется. А в один из весенних вечеров она сказала:

– Венера Сергеевна, я выхожу замуж. —

– Как? – переполошилась Венера Сергеевна. – За кого? А Славик? —

– В мае у нас будет свадьба, сразу после дня победы. Коля уже отслужил, ему двадцать четыре года. —

– Да зачем тебе Коля, если есть Славик? —

– Знаете, я ведь уже была замужем. И от мужа убежала из посёлка. Нас женили, когда мне 16 только исполнилось, по разрешению родителей. Но не получилось, муж был слишком молодой и в армию его не взяли, по болезни, а он всю злобу на меня – будто бы я виновата в болезнях его. —

Вот всё и узналось. И все те весенние месяцы, что Славик ходил за ней, каждый шаг чуть ли не «лепестками роз выстилывал», пошли для него прахом.

– но до свадьбы я буду у вас, ладно? —

– И ездить к Коле? – спросила шокированная Венера Сергеевна. Ей было жалко Славика и его юношескую любовь.

– Да. —

– Нет, Лен так не пойдет. Или ты ночуй и живи здесь или к неизвестному Коле уезжай совсем. – Венера Сергеевна надеялась, что такое предупреждение остановит Лёну и она может быть, что-то переменит в своих планах.

Но все было напрасно. Лёна ушла. За вещами приезжали незнакомые ей люди. Венера Сергеевна осталась опять совсем одна со своим котом Кутей. На работе все отметили, будто что-то поменялось в ней в её поведении. Бывшей строгости поубавилось, много стало слов философского характера в её разговоре. Разговаривать стала она со всеми и о погоде, и о природе. Чего раньше никак нельзя было предположить даже. И будто бы она сразу постарела лет на 10, стала как бабушка-старушка. Бывает, что события меняют человека.

Конец.

Рябина в палисаднике

Взобравшись на холм прожитой жизни, оглянись на себя (так говорят) ... Поднявшись на вершину минувших лет, брось пристальный взгляд на годы, которые уже не повторятся (...). И спроси себя, стоя у вершины, – кто ты есть такой? И какой итог тебя ждет на самой вершине?

Может быть, ты есть (представляешь) – то время в которое жил? Или представляешь всех тех людей, которые прошли через твою жизнь?

Ответ: и да, и нет. Судьба выбрала из времени, в которое ты жил, лишь то (те события), что стало твоей биографией.

Могла она быть другой? – Могла. Судьбу не выбирают (говорят), но выбирают людей, которые становятся судьбой.

Оглянешься на себя... Минуты и годы твоей жизни, как волны житейского моря (океана), несли тебя в порт твоего назначения.

Задайся вопросом – ты прибыл в него (в тот порт назначения)? Ступил на далёкую землю. Которую должен был найти в открытом море жизни? Или был высажен на ненужный тебе другой материк, на случайную сушу, в ближайшую бухту Утешения?

И с каких рубежей ветры житейских бурь начинают сбивать нас с курса предназначения?

Пересекая стремнины бытия, невольно намечаем мы на дальнем берегу точку выше той, которая нам нужна, чтобы иметь ориентир, как капитан отмечает вершину горы, хотя ему нужен низкий берег, чтобы не сбиться с пути в порт под горой.

Но течение бытия порой сносят нас с курса в сторону от того места (порта), куда нам хотелось... В чём дело? Почему так происходит? Ведь всё было правильно в самом начале, при отплытии – крепкая лодка (семья), надежные весла (родители и учителя), гребец был уверен в себе... Ведь мы же правильно начинали...

Вопросы, вопросы, вопросы... ответы на них в твоей биографии, в твоей судьбе.

Взойдя на холм прожитой жизни, оглянись на себя...

Брось пристальный взгляд на людей, которые вошли в твою лодку при отплытии, которые поднялись на борт твоего корабля, во время остановок, вех, в пути и помогали поднимать паруса (например, во время окончания вуза, или во время начала новой трудовой деятельности). Кто были они? Держали они курс выше той точки, которая была нужна?

Вопросы, вопросы, вопросы... в конце своей жизни человек ищет ответы на них. На те, которые уже услышаны, на те которые уже заданы, но ещё не услышаны. Он ищет ответы, которые может дать только своя биография.

Оглянись на себя... —

Конец эпитафии.

Чтобы доехать до города, надо сначала по лесной дороге (километров 5) добраться до райцентра, а там на автовокзале купить билет на междугородний автобус. Автобусы ходили и по всему району. Но их две деревеньки рядом находились в стороне от дорог, в лесу у маленькой речки с одной стороны и третья деревня на горе чуть подальше через поля от реки на другой стороне, через мост, который разбирали ежегодно по льду, а то половодье сносило бы его.

Дмитрий Петрович в одной руке держал сетку с гостинцами – к внуку на день рождения собрался, другой рукой – опирался он на покрытую лаком трость-палочку фабричной работы с устройством на конце: выдвигающийся «гвоздь», если лёд на дороге.

По домашним делам, когда занимался ими и ходил, то всегда пользовался своей самодельной. Без палки уж годов 15 как не ходит. Это после травмы: и ноги, и тазовые кости сломал, во время падения с кровли, при постройке-ремонта нового-старого комплекса КРС на центральной усадьбе. В больнице он тогда лежал долго.

Но хотя и хромал, опирался на палку, отчего сильно горбился в спине, Дмитрий Петрович выглядел сейчас бодро и как-то осанисто. И уж никак не дать ему было шестьдесят пять, особенно когда вот так: в костюмчик с галстуком на белой рубашке под ним вырядился, побрился и подстрижен был Натальей. Ей же и давал он последние указания:

– Ты не вздумай без меня картошку копать. Знаю тебя, хлопотунью. Погода вон какая! Морковку повыдергай. А за картошку не берись, пусть постоит – днем еще тепло. Я к субботе приеду обратно. Долго нечего гостить. – так он говорил, наказывал уже у ворот дома на улице, ожидая машину – сосед деревенский подвезти обещал.

На нём было длинное пальто против теперешних модных коротких курток, а также черная шерстяная фуражка, которая контрастировала, совсем было ему наплевать на всякую моду.

– А ты не спеши. Чего торопишься, Петрович, – Наталья пристально оглядывала его, обирая с пальто чуть приметные не то ниточки, не то пушинки, – если будут хорошо принимать, ну, и гости там с внуком. Хозяйство у нас небольшое, управлюсь... —

Её круглое, с вздёрнутым носиком лицо было румяно. Она в фуфайке синей, в стоптанных полуботинках на босу ногу. Полные короткие икры ног выставлялись из-под платья домашнего, под цвет фуфайки синего цвета, красно обдало осенним холодком, по утрам были уже заморозки, легкий иней выбеливал местами огородную зелень. А вышли рано, чтобы успеть на первый автобус на автовокзал райцентра.

– Шла бы в избу, а то вот и ноги как в огне красные стали, ещё простудишься, – сказал Петрович, легонько подталкивая её. Увидев машину соседа, что подъезжала с верхнего конца деревни.

– Да что мне будет. – улыбается Наталья, – я от мороза, как та рябина, только слаще буду! —

– Да и то! – тоже смеётся Петрович и, быстро нагнувшись (ростом Наталья меньше него), целует её.

Садясь в машину, опять оборотился:

– К обеду в субботу жди! —

Дмитрий Петрович оглянулся у поворота к лесу на выезде из деревни. Наталья ещё стояла у ворот, на фоне деревенской улицы с домами обновленными, у всех крыши были покрыты модными железными листами, разного цвета, вместо прежнего шифера. И виделось, как в последний раз: рябина в палисаднике оранжевыми гроздьями сверкала.

Маленьким прутиком посадил её Дмитрий Петрович, в год рождения сына. Она почему-то высоко в рост не пошла, раскинулась, расщепилась, и ветки только что в окно не лезут. Поглядев через заднее стекло легковушки, он не стал даже махать рукой, не знал увидит ли она.

Сын Геннадий прислал ему письмо: внуку исполнилось десять лет, поэтому он ждёт деда на день рождения. Вот и собрался Дмитрий Петрович в город, где Геннадий неплохо жил, в двухкомнатной квартире, в новом районе в панельных домах, которые сам же и строил. Было это во вторник, в среду поутру он и уехал.

Отступление от темы. Историческая справка:

В Моркинском районе Марийской республики (пос. Морки – райцентр), через густой лес в сторону, вдоль маленькой речки Ировка, старая дорога ведет в деревню Юрдур. Сегодня объединённая одним названием, раньше она состояла из двух деревень: первая – по документам уже СССР называлась д. Старая, вторая так и была Юрдур.

Но прежнее название деревни Старая было на местном языке – Пюнчедур (правильнее: Пюнче тюр). Она постепенно соединилась, через небольшое поле, через переулок – Изи урем, буквально маленькая улица, в переводе с местного языка.

Пюнче – это на местном – сосна, «тюр» – край, что означало край соснового леса, сосняка.

А через речку, через тот разбираемый мост, была на горе деревня Ерымбал, точнее Ерымбал – буквально в переводе – наверху реки, над рекой.

Далее, уже около большой реки находилось село. В пяти-шести километрах от Ерымбала, – село Элнетюр, правильнее Элетюр, потому что – Элнет – это название реки, а «тюр» – край, – то есть, с краю речки Элнет.

И все сосновые строевые леса, по всей округе, с высокими мачтовыми соснами, так и назывались – Элнетюр чодра. «Чодра» – лес, леса.

Наш герой проживал в этих лесах, в Элнетюр чёдраште, по-местному, в деревне Старая, то есть в Пюнчедуре, по произношению так звучащей. А все считали, что он из Юрдур, постепенно деревня Старая совсем забылась и была поглощена Юрдуром, укрупнённым поселком. В котором был и большой магазин построен и новый комплекс КРС – на 500 коров.

Работал он рядовым колхозником. Никогда нигде после 8-ми классов обязательных в школе, он не учился, и профессий особых не имел, в смысле «корочек», дипломов. Была одна профессия – «колхозный рабочий», и пошлют работать в поле на лошадях, он мог и лошадь запрягать отлично, хоть в сани зимой и навоз возить на поля и удобрения, хоть в телегу летом, с полей возить люцерну на силос. Пошлют коровник строить, – он был и заправский плотник. И каменщиком-то он был, и печником, многим печи ложил с напарником, вот последнюю печь себе в бане переложил.

Пока Дмитрий Петрович ехал до города далеко и долго (200 километров почти), в автобусе вспоминалась ему вся его жизнь, основные события и маленькие происшествия... Жена его лет 15 назад умерла от болезни, врачи говорили, но он ничего не понял, – какой-то гипертонический кризис там...

А в субботу «Наталья», как звали её местные, к обеду наварила борща, испекла пирог с рыбой (в магазин завезли хек мороженный), а Петрович очень уж любил, когда она рыбный пирог пекла, – сам на рыбалку ходил на озеро, что в лесу у речки ниже по течению, за щуками и карасями.

Часа в три стала она и баню затапливать, должен уже приехать. И часу не прошло, а баня с новой печкой, с новым баком для воды, который Петрович сам вмазал, была готова. Наталья и курам задала корм вечерний и поросёнку пораньше, и в избе было всё прибрано, вымыты полы. Глянет она на часы, а уже и четыре и пять и шесть... темнеет рано. Часов до семи вечера она всё подтапливала баню. Потом поняла, что не приедет он сегодня. Только Дмитрий Петрович и в воскресенье не приехал.

В понедельник в обед заявился его сын Геннадий Дмитриевич.

Наталья была в избе, когда услышала, как затявкала строго Жучка. Вышла на крыльцо и не признала было гостя сразу. Виделись они один-два раза. Она прикрикнула на Жучку, махнула рукой будто кидает в неё камнем, и та забилась под крыльцо и всё рычала.

– Здравствуйте, – сказал Геннадий Дмитриевич, когда поднялся на крыльцо. Зашли в дом. Наталья молчала. Гость тоже молчал, потом, всё ещё стоя у порога, объявил:

– Похоронили мы в субботу отца. В среду приехал, а ночью умер, сердце остановилось во сне. Вот в субботу и похоронили. – Он прошел и сел на табуретку у стола. А Наталья с удивлением и непониманием смотрела на него. Руки только подняла к груди, и так застыла и глядела на сидящего за столом в светло-сером плаще мужчину. Молчали оба.

– Чисто у вас, глядя на пол и вокруг, сказал Геннадий. Потом взял со стола шапку, стал вертеть её в руках, стряхивая невидимые пылинки...

– Как же вы это так? – только и спросила Наталья и присела на край кровати, что у порога у стены напротив печи.

– Разделись бы, Геннадий Дмитриевич, тихо пригласила Наталья. – А я тут сейчас... («приду» не прозвучало, у неё сперло дыхание в горле), – и она вышла из комнаты, осторожно

притворила дверь за собой, а в сенках присела на лавку и выдохнув, залилась беззвучно слезами, прижав плотно ладонь ко рту, чтобы не закричать. Проплакала минут несколько, утерлась передником платя и вошла в избу с раскрасневшимися глазами.

Геннадий перестал теребить шапку, снял плащ и повесил у порога на вешалку куда и шапку положил. С тех пор, как он здесь был последний раз, с полгода назад, ничего не изменилось. В доме всё было по-прежнему. Шкаф к стене, между печкой и кухонным столом, отцовской работы. Рукомойник около узкой отгородки возле двери. Новое только занавески на окнах да в горницу, раньше их не было. В тесноте прихожей и подниматься с табуретки не надо было, – чуть отодвинув занавеску, он глянул в горницу, – и там ничего не изменилось будто бы. Прямо против двери, над комодом, висел портрет отца и матери под стеклом и в рамке.

И всё-таки что-то было в горнице от неё, от этой чужой ненавистой женщины, с которой он приехал рассчитаться раз и навсегда. И за свой позор, что пришлось пережить год назад, в последний приезд и за смерть отца, ибо он уверен, Геннадий Дмитриевич, – если бы не «НаталЯ» (он и имени-то её не мог произнести без злобы, только местное прозвище) – то жил бы ещё старик-отец и жил бы.

А позор вышел тогда на всю деревню Старую. В Старой, в Пюнчедуре не бывает тайн. У кого что ни случись, как будто ветром разнесёт снизу от реки и кверху до Круглого пруда, так Старая вся была дружна, – не то что Юрдур, вдоль реки от моста протянувшийся и разросшийся Изи-уремом – улицей в их сторону.

Всем известна была эта «НаталЯ»: то с одним мужиком жила в Юрдуре, ругались на обе деревни слышно было, как по улице бегали полураздетые с топором за ней мужики, то в Изи-уреме пожила опять – крики и ругань. Да еще, говорят, со сколькими сходилась-расходилась, – одним словом – «НаталЯ». Поселилась она в Старой у пожилой пары на краю, внизу. Тут у Нижнего пруда магазин-то новый большой построили, в два дома длинный, «супермаркет», как шутила деревенская молодёжь – так там «НаталЯ» уборщицей и приёмщицей товаров – «товароведом» устроилась. А чтобы жить недалеко – устроилась в крайнем доме у пожилой учительницы со стариком-мужем своим.

Приходила она к отцу прибираться, по хозяйству помогать, и готовить. Это сообщал он сам в письмах да по телефону. Ну, и ладно, не придали тогда этому значения.

В тот раз Геннадий ещё до дома не дошёл, а про новость уже слышал. В магазине народ был и знакомые бабы со Старой порассказали: «женился в 65-то лет на молодухе этой распутной, на „НаталЕ“». А тогда приехал с женой и сыном Димкой своим проведать старика. Ещё хотел уговорить его всё-таки продать дом и переехать к ним в город – квартиру купили трёх комнатную, свою двушку продали. И было бы ему – своя комната...

А тут видит – понатаскал отец ящиков из-под консервов с Натальей и ну, давай старую избу обшивать. Со двора уже стена готова была и покрашена, а сени с крыльцом вообще новыми досками перебрал, – тоже покрашенные, как новые сверкали.

– Ты чего это, отец? – поинтересовался Геннадий после того, как они поздоровались и закурили на крыльце. – Тут мне про тебя прямо анекдоты рассказывают! Я тебя к себе жду, а тут до ста лет жить собираешься. Пора уже избу продать, очередь на машину подходит! И вообще жил старик один! А у тебя, говорят медовый месяц? Это как же понимать, отец? —

– Так и понимать, что не твоего ума дело, сынок. Приехали, ну, и пожалуйста гостями в дом... —

– Да она же сестры нашей Юльки моложе, папаша, – поддержала Геннадия его жена, сноха. Помните, мы были прошлым летом, как её Позникова жена гоняла по всем трем улицам: по Юрдуре, по Изи-урему, да по нашей, из-за мужа своего, которого эта «соблазнила», якобы. —

– Вот, и то! Якобы. Им лишь бы было на кого свалить. А сам-то муж Поздничихи ко всем молодым пристаёт. И к моей Наталье в магазине приставал, да та его «отшила». Наговаривают всё.

При этих словах и увидел впервые Геннадий Наталью на пороге отцовского дома. Двери растворились, и женщина стала, как в картине, в раме. Невысокая, красивая. Она всё слышала, всё слышала, это было видно по её лицу, по круглым щекам которого сочилась алость сдерживаемого гнева.

– Звал бы, Дмитрий Петрович, гостей в дом. Чего на улице-то держать. – И пошла сама, не закрыв дверь.

Старик тогда прикрыл дверь и строго сказал гостям:

– Наталья мне по закону жена. Расписались. В мачехи вам я её не навязываю. Но обижать не допущу...

Про отцовскую настырность известно было всему селу с детства его. Помнил и Геннадий, как они с матерью ему на работу «тормозки» носили. А работал он тогда на далекой колхозной делянке, лес валил, деловой. Была уже поздняя осень. Снега пошли большие. А всё отец не унимался. Ему лесник сказал: если сколько свалишь до 1 декабря – всё ваше. А потом ни одного дерева не тронешь. Вот и старался отец больше свалить, три дня не выходил из леса.

Мать тогда даже плакала: дался ему этот лес – не для себя, для колхоза старается. И дома всё по-отцовски всегда было. Но ругани никакой. Может, мать с ним ладить умела, а может, и сам он. В доме всегда было тихо, скучновато даже, но тихо. А между матерью и отцом даже дружно. Они всё вместе делали. И даже по ягоду, Геннадий помнил, и то вместе ходили. Бабы соберутся, без мужиков идут, а эти – вместе.

А теперь, смотрит он на портрет над комодом. Прямо на него глядят отец и мать. И тут, неожиданно, подумалось Геннадию Дмитриевичу, что ведь, в сущности, ни её, ни его он как следует и не знал.

– Чего же вы тут (в прихожей). Да в комнату проходите. —

Она настояла на своём. Геннадию за столом не сиделось, пока Наталья собирала на стол – хлебницу поставила и какие-то продукты. Раздвинув занавески в кухню, где Наталья хлопотала, он сказал:

– Выйду покурю, – потому что никак не мог подступиться к разговору, ради которого приехал. Эта Наталья вежливость, какое-то смирение, всё сбивало его с толку.

– Чего уж, – остановила она его, – отец всегда в избе дымил у печки, – тяга хорошая. – Она указала на печной приступок. – «Приму» всё брала по двадцати пачек зараз. —

Тут в дом вошли соседи Петро Гришаков с женой Анной. Слух уже дошел, видимо, что Геннадий приехал.

– Вот так, значит, – вместо приветствия сказал Петро, а жена его, Анна, торопливо перекрестилась и добавила:

– Царствие тебе небесное, Митрий Петрович. —

Наталья уткнулась в поднятый рукой передник фартука. Сквозь слёзы проговорила:

– Проходите к столу —

Соседи дружили давно: Петро и Петрович оба воевали, и им было о чём говорить-вспоминать...

Пришли ещё соседи с другой стороны дома: Толя с молодой Женой, – и вот, изба уже полная. Наталья не зря хлопотала и стол был полон для поминок. Она достала бутылку водки:

– Вот к баньке купили, – виновато сказала она, – а вышло за упокой. —

Геннадий Дмитриевич рассказал, как приехал отец, как с внуком, Димкой, втроем, гуляли по городу, на памятники новые смотрели, даже в ресторан «Таир» заходили пиво пить. Старик бодро выглядел. А ночью сердце остановилось.

– Бодрый, бодрый был! – подтвердил Толя-сосед. Нынче мне на покосе помогал. А, помню, говорил он, когда лежал прошлой зимой в больнице, что кардиограмма обнаружилась плохая. Сердце, как вроде, подорвано. —

– Да, ведь, вот же мы с ним печь у меня перебирать собрались, – вставил И Петро. – Вот, дед, а! – удивился будто он, словно сосед его невесть что отчебучил – помер.

После поминания за столом, когда Геннадий вышел с гостями, всё-таки заодно и покурить на улице, – Петро спросил, оставшись покурить вместе:

– А что Гана, отца-то бы сюда привезти. С матерью бы рядом положить. —

Мать уже давно похоронили в деревне, а отца вот в чужом городе зарыли в землю. Но Геннадий объяснил, что сестра двоюродная, в городе живущая, не захотела: в деревне, говорила, никого не осталось наших, а тут хоть будет кому на могилку сходить...

Замолчали за куревом.

– Да и-то неужто этой вертихвостке? – вдруг, подумав, спросил Петро.

– Это ещё с каких калачей? – удивился Геннадий Дмитриевич. – Она, можно сказать, его в гроб вогнала. Да лучше спалить... Я вот и приехал по этому вопросу, все бумаги уж выправил, за ней дело... —

– И то правильно, – Петро, понимая, качал головой. Ей что, дело молодое, завтра хахаля заведет-приведет. Мало что ли у неё их было? —

– И как старик учудил такое? Ведь полтора года, больше прожили, расписались? – то ли удивился, то ли спросил Геннадий Дмитриевич.

– Это у них года с два назад и началось. С той зимы, когда он в больнице, помнишь, долго лежал, месяца с два, с ногой сломанной, или подвернул, там, связки порвал что ли. – А она тут приглядывала за хозяйством и к нему в больницу, в район ходила – кушать привозила. Вот и сошлись.

Геннадию Дмитриевичу стало не по себе. Вспомнился ему последний приезд и разговор с отцом, припомнилось и то, что тогда он не был ни в какой командировке зимой, просто не знал об отцовской болезни. Переписываться они не привыкли, так, открытку к празднику жена посылала. А тут чего-то у них самих дома не ладилось и, видно, забыли. Обидным и за себя, а ещё за память о матери считал он стариковскую блажь...

Сейчас на крыльце старого дома Петро всё дымил сигаретой (по второй закурили) и рассказывать пытался подробности отцовской женитьбы:

– Ты же её тоже можешь знать? Она уж лет пять как у нас в Старой-то проживает. Бабенка видишь, складная, ну, вертихвостка, одним словом. Видать, заметила себе на уме, что старик долго не протянет, и повадилась постирать ему да прибраться... Глядь и вовсе перебралась в избу. – говорил он негромко, почти шёпотом, чтобы в доме не слышать было.

– Ты, говорил я, соседюшка, никак спятил? Оберет, как липку, да ещё и самого выгонит, на кой ляд тебе она, когда ты уж старый совсем, ей же молодой нужен! Это я его после больницы ещё спрашивал, аж давно.

И знаешь, что он мне объявил? Всё же он, должно быть, уже тогда маленько на голову слабел: «Мы, говорит, вчера по ягоду с Наташей – это с ней, значит, – показал через плечо на дверь Петро – ходили. А и верно, потому что я приходил его позвать, а во дворе одна Жучка. Ещё подумал: и куда его понесло? То с утра всё стучал топором. Видал, дом-то как обновил, вроде сто лет жить собирался. Вот и говорит: ходили мы по ягоду. А это знаешь, теперь где? Аж во второй делянке. Может, помнишь? – спросил У Геннадия Петро – Петрович и говорит, – прошли за пашни, а там опять бугры зеленые да березняк и там земляника-ягода. А сам смеётся весело. Думаю: от бражки, может, окосел, а он чудно и говорит: «Я, – говорит, – вот последнее время всё смерти боялся. Не того, что в землю, в пустоту, закопают. А пустота, ока-

зывается, просто во мне внутри жила. Ну а теперь вот и не жалко помирать. Это, – говорит, – как на покосе много работаешь, устанешь, потом из кринки напьешься досыта, аж по лицу потечёт, и всё пил бы и пил, – вода такой сладкой кажется».

А Геннадий Дмитриевич думал о том, что совсем об отце, о его жизни не знал он ничего. Не знал и не узнает никогда о том, как сошелся старик с этой молодойкой. Да, собственно, зачем ему всё это, удивлялся он про себя. Отчего соседу все слова отцовские помнить, а будто знал, что пригодится ему всё это рассказать.

– А вообще-то отец твой мужик был мировой, уважал его народ. Очень уважал... – продолжал Петро.

...А было так: «После болезни повадился он, Дмитрий Петрович, ходить к соседям, к старикам учителям, где эта НаталЯ жила. И однажды застал он у стариков Наталью одну. Вошёл, когда она пол мыла босиком. В коротком розовом платице. Наталья не разогнулась, думала, может кто из хозяев, выпячивая всю «фигуру» свою. Когда заметила, пружинно выпрямилась, тряпка в одной руке, другой лицо отерла и платишко стала одергивать. В шейный вырез сунула палец и кверху материю потянула, но глубокую ложбинку, розоватую не прикрыла. Сильнее надулось на груди, на боках кругло натянулось платье. Засовестилась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.